

Певная М.В. РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ// Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). С. 230-237.

ББК 60.561.7

УДК 316: 364-32

М.В. Певная

M. V. Pevnaya

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ
VOLUNTEERING IN RUSSIA: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

В статье анализируются проблемы и противоречия российского волонтерства, выявленные при исследовании феномена сквозь призму институционального, деятельностного и общностного методологических подходов.

The article is devoted to problems and contradictions of the volunteering in Russia. Research of this social phenomenon has been realized with the application of institutional, community and activity-methodological approaches.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, волонтер, социальная общность, социальный институт.

Key words: volunteering, volunteerism, volunteering activity, volunteer, social community, social institution.

Российское волонтерство (добровольчество) сегодня находится на стадии своего активного институционального становления, оно широко включается в экономические и политические процессы современной России. Противоречивость и сложность истории нашей страны создает базис для социологического

рассмотрения данного феномена как общепризнанного социально-значимого вида деятельности. На наш взгляд, также важна социологическая оценка добровольчества, которая позволяет выявить проблемы формирования российской общности волонтеров, особенности добровольческой деятельности россиян с учетом специфичности формирующего ее социокультурного контекста. Выделим проблемы и противоречия в развитии российского волонтерства с использованием институционального, деятельностного и общностного подходов.

Сквозь призму институционального подхода обозначим ряд проблем, которые проявляются в том или ином виде на всех этапах развития российского волонтерства в исторической ретроспективе. В качестве одной из важнейших в социологическом плане отметим **проблему доминирования государства, ведущей роли монархии, правителей государства (от царей до Президентов), а не самого российского населения в развитии добровольчества**. Речь идет о формировании и закреплении модели «государственной благотворительности», когда за счет частных пожертвований и безвозмездной работы русских людей с середины XVII века развивалась государственная система общественного призрения, а в последние десятилетия XX века система социальной защиты населения с активным привлечением частных благотворителей и филантропов. Феномен российского волонтерства в процессе исторического становления всегда демонстрировал свою органичную включенность в практики частной благотворительности и социальной деятельности института государственной власти; подтверждал оправданность социального расслоения общества, где высшие слои всегда оказывали и оказывают благотворительную помощь нуждающимся; репрезентировал доминирование в активизации подобных практик «инициатив сверху, а не снизу», например, государственных инициатив, инициатив отдельных политических лидеров, либо представителей экономической элиты; подтверждал тот факт, что социально-значимая деятельность русских людей, их гражданская активность, инициативность и самостоятельность всегда оставались под контролем государства.

Выделим вторую, значимую в институциональном плане, **социологическую проблему, связанную с формированием и закреплением социальной нормы волонтерской деятельности как нормы долга перед обществом, основанной на жертвенности личности в интересах общества.** Этот процесс прослеживается, начиная от христианских идей соборного служения, популярных в царской России, до самоотречения от различных социальных благ в соответствии с идеологией советской общественной работы. В контексте исторического развития сущность добровольчества в России отражает включение проявлений доброй воли в систему ценностей и норм, которые характеризуют общество в различные исторические периоды. В царской России ведущим было христианское вероисповедание, соборность определяла национальные ценности в противовес проявлению индивидуализма и корыстолюбия. В СССР идеология добровольного труда продвигалась репрессивными мерами, имеющими ограниченное значение, и системой идеологического воспитания, где групповые ценности трансформировались в коллективизм.

В качестве третьей проблемы назовем **проблему несформированности в современной России национальной традиции волонтерства.** Религиозное добровольчество, получившее широкое распространение до 1917 года, в советский период не могло развиваться по политическим причинам. Авторитет русской православной церкви в СССР был значительно подорван, как были утрачены и те нормы, стереотипы поведения, которые она формировала в обществе не одно столетие. Немногочисленным остается число «воцерковленных» россиян (по данным фонда «Общественное мнение», в 2013 году из 64% наших сограждан, причисливших себя к православным, таковыми являются лишь 12% [5]), которые в рамках своих религиозных общин способны заниматься волонтерством и благотворительностью. Международная идея светского волонтерства привнесена «извне» и не успела стать в России социальной нормой, так как возрождение добровольчества начинается только со времен перестройки. Прототипы «квазиволонтерства» советского периода, носившие обязательно-

принудительный характер, привели к формированию негативного отношения населения к инициативам государства.

Четвертая проблема, которую мы ставим в исследовании, – **формирование институционального контекста для целенаправленной государственной поддержки развития волонтерства в нашей стране.** Рассмотрим российское добровольчество, исходя из положений теории «добровольческих провалов» М. Саламона [2]. По нашему мнению, данная теория как результат исследований некоммерческого сектора в США и других развитых странах, может быть применима к анализу российского волонтерства в виду того, что она позволяет объективно рассмотреть практики взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества и выявить те экономические, политические и социальные условия, при которых может быть достигнут максимально полезный результат для всего общества.

М. Саламон выделил четыре «добровольческих провала», которые оправдывают государственное участие и поддержку общественного сектора: 1) благотворительная недостаточность; 2) благотворительный партикуляризм и фаворитизм; 3) благотворительный патернализм; 4) благотворительный дилетантизм. Все выше обозначенные «провалы» сегодня характерны для нашей страны. В первом случае отметим, что российское население и бизнес не готовы регулярно вносить пожертвования на деятельность третьего сектора и благотворительных организаций, включаться в их деятельность в роли волонтеров. Во многом это объясняется отсутствием традиций благотворительности, а также низким уровнем доверия населения по стране в целом и к третьему сектору в частности. Второй провал или «филантропическая ограниченность» также характеризует российский третий сектор. Волонтерские проекты, реализуемые НКО и волонтерскими движениями, направлены на реализацию тех направлений, которые лучше всего поддерживаются немногочисленными донорами и государством в рамках отдельных целевых программ. Неспособность российских НКО самостоятельно искать дополнительные источники для реализации своих проектов может быть объяснена как «благотворительный патернализм».

(Данный термин означает зависимость НКО от реальных доноров, жертвователей, которые в обмен на ресурсы получают возможность контролировать благотворительный сектор и делают организации третьего сектора зависимыми). «Благотворительный дилетантизм» реально проявился в кризисных ситуациях, когда неподготовленные и необученные волонтеры попали в экстренные ситуации и ни морально, ни физически не были готовы справляться с возникающими в чрезвычайных положениях трудностями.

Таким образом, институциональный контекст развития волонтерства во многом определяется взаимодействием государства, третьего сектора и бизнеса, где на национальном уровне ключевую роль все же играет практика государственного регулирования данного взаимодействия. Важное социальное противоречие заключается в том, что **объективно поддержка российского волонтерства со стороны государства необходима, однако со стороны большинства профессионалов третьего сектора, добровольцев стихийно организуемых волонтерских групп активность государства и чиновников в этом направлении вызывает серьезные опасения.** Во многом это обусловлено тем, что в современной российской истории отношение государства к некоммерческому сектору, к гражданской активности и самостоятельности достаточно неоднозначное. Принятие новых законов и внесение поправок к уже действующим, во многом ограничивающих гражданские инициативы населения и деятельность третьего сектора, не только не способствуют реальному развитию сферы НКО, но и оказывают существенное влияние на отношение людей к новым законодательным инициативам. Они демонстрируют только желание государственных служащих вести учет, регистрировать гражданские инициативы активистов, в том числе и добровольцев России.

Обозначим следующую, пятую, проблему, выделенную нами благодаря применению институционального подхода к анализу исследуемого феномена, – **отсутствие системности нормативно-правового регулирования российского добровольчества.** Законодательная база, затрагивающая различные аспекты волонтерства в нашей стране, носит фрагментарный характер. Большинство до-

кументов (концепций, программ и т.д.) декларативны по своему содержанию. Ситуативно регулируются отдельные направления волонтерства, что, на наш взгляд, является следствием реализации тактики реагирования на возникающие проблемы при отсутствии спланированной стратегии государственной поддержки развития волонтерства в России. Российские нормативно-правовые акты разных уровней не согласованы между собой и не позволяют дать точные правовые определения волонтерства (добровольчества), обозначить права волонтеров и сферы их деятельности, разъяснить гарантии в отношении их деятельности со стороны государства, а также четко прояснить экономические и правовые механизмы стимулирования развития волонтерства в деятельности государственного и третьего секторов. Практика правоприменения действующих законодательных норм демонстрирует тот факт, что российские НКО «приспособились» решать свои ключевые задачи и привлекать к своей деятельности волонтеров в рамках существующего нормативно-правового поля.

Отметим ряд значимых социологических проблем российского волонтерства с позиции деятельностного подхода. В процессе анализа волонтерской деятельности предполагается оценка волонтеров как акторов, реализующих свою деятельностную активность при определенных условиях. В сложившейся ситуации актуализируется необходимость ответа на следующие вопросы: как сегодня в России формально и неформально определяется волонтерство (добровольчество)? кто такой волонтер, что он реально может делать? Постановка данных вопросов в таком ракурсе выводит на рассмотрение в нашем исследовании шестой проблемы, связанной с противоречивостью **идентификации понятия волонтерства в нормативно-правовом поле РФ и сознании россиян**. В законе РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в законе "Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи...», а также в проекте федерального закона о волонтерстве сформулированы значения понятий «волонтер» и «доброволец». Однако, они не совпадают по набору прав и компенсаций. Этот факт демонстрирует «разбросанность» и фрагментарность

законодательства, затрудняющего правовую идентификацию и формализованное определение статуса волонтера. Нет четкого видения волонтеров и добровольцев и в сознании россиян. Отвечая на вопрос: « Как называют людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения в свободное от работы (учёбы) время делают общественно-полезные дела, либо помогают нуждающимся – гражданам, животным и т.п.?», 38% респондентов затруднились дать какой-либо ответ, 38 % назвали их волонтерами, 6% – добровольцами, 13 % – добрыми, хорошими милосердными людьми, альтруистами и т.д. [3]. По результатам другого исследования ФОМ отмечается, что даже «внутри сообщества добровольцев нет общепринятых представлений (языка) о таких фундаментальных вещах: кто может, а кто не может считаться добровольцем, чем должны, а чем не должны заниматься волонтеры» [4, с.17].

Следующей, седьмой проблемой волонтерства, выделенной благодаря использованию в исследовании деятельностного подхода, можно обозначить **стихийное объединение людей и активизацию волонтерской деятельности россиян без государственного участия вне институционализированных структур**. Активность волонтерского движения в России обусловлена определенными условиями, такими как: повышение коммуникативной свободы россиян (упрощение доступа к получению и предоставлению информации, возможность быстрой коммуникации без пространственных и временных ограничений); функциональная ограниченность исполнительной власти по оперативному решению проблем населения в кризисных ситуациях; несовершенство российского законодательства; неразвитость третьего сектора. Кризисные ситуации с пожарами в России (2010-2011 гг.) и наводнение в Краснодарском крае (2012 г.) реально продемонстрировали ключевые признаки национального гражданского общества, где отчетливо проявились: жизнеспособность и результативность функционирования социальных сетей волонтеров, которые благодаря Интернет-коммуникации самоорганизовывались в добровольческие отряды, выезжали на места трагедии; реальная работа некоммерческих организаций и благотворительных фондов, которые занимались сбором, доставкой и

распределением гуманитарной помощи и частных пожертвований, а также местных сообществ, в рамках которых жители отдельных территорий объединялись для решения текущих проблем.

Чрезвычайные события последнего десятилетия помогли выявить социальное противоречие, демонстрирующее сложности институционального взаимодействия волонтерства и власти. Оно заключается в том, что, **наряду с реальным запросом общества на помощь волонтеров, проявляется неоднозначная реакция чиновников на волонтерскую деятельность.** Речь идет об отсутствии взаимодействия, о разных позициях, о непонимании, в некоторых аспектах даже противостоянии волонтерского сообщества и бюрократии. Волонтерство самим населением оценивается позитивно. Это обусловлено тем, что волонтеры оказывали помощь конкретным людям, обеспечивали информационную доступность к проблемам и их решению в статусе очевидцев событий, способствовали общественному контролю над деятельностью различных специалистов на местах, выявляли и по возможности предотвращали факты коррупции.

Позиция же чиновников базируется на том, что с деятельностью волонтеров сопряжен целый комплекс проблем. Это и недостаток у добровольцев специальной подготовки, необходимой для работы в кризисных ситуациях; и отсутствие должной организации их действий; распространение дезинформации, обеспечивающей на местах трагедии хаос и панику; затруднение и вмешательство в работу профессионалов. В связи с этим четко обозначилась восьмая проблема, связанная с **необходимостью структурирования волонтерского движения, регулирования взаимодействия волонтеров и государственных структур, а также с важностью принятия мер для поддержки развития волонтерства со стороны государства.** Однако здесь следует отметить и противоречие, которое заключается в том, что **законодательные инициативы государства, направленные на упорядочивание деятельности волонтеров, самими волонтерами рассматриваются как ограничение свободы их действий.** Во многом это противоречие обусловлено российской традицией госу-

дарственного управления, связано с попытками государственных чиновников реализовывать тотальный контроль за активностью своих граждан.

Девятая проблема опять же сопряжена с реализацией государственной политики, с желанием российских чиновников ограничивать одни виды деятельности волонтеров и способствовать развитию других. Речь идет о попытке официального запрета волонтерства в политической сфере, а также об активном ситуативном развитии спортивного волонтерства среди молодежи и т.д. Суть проблемы заключается в том, что при такой государственной политике приоритет отдается не интересам населения, исходя из анализа конкретных социальных проблем, а задачам государства и чиновников, которые реализуют свои политические амбиции, проводят выборы, осуществляют масштабные проекты. Стимулирование активности волонтерского движения молодежи развивается вокруг организации и проведения целого ряда массовых спортивных мероприятий, таких как XXVII Всемирная летняя Универсиада в Казани (привлекались 20 000 волонтеров), зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи (будут задействованы 25 000 волонтеров) и т.д. Такое положение дел демонстрирует независимое существование государства и российского третьего сектора, развивающего более традиционные для России формы волонтерства [11, с. 68]. В это же время гражданская активность населения в политической сфере вызывает опасения у представителей властных структур.

Общностный подход в исследовании волонтерства в России позволяет очертить десятую проблему – **четкого определения качественных и количественных характеристик российских волонтеров как социальной общности в определенных территориальных границах.** В РФ официальная статистика по волонтерству отсутствует. В последнее время все попытки чиновников официально «пересчитать» добровольцев не приводят к желаемому результату. Данные же различных исследовательских организаций, проводивших опросы общественного мнения среди населения, имеют отличия, объяснимые, как правило, особенностями исследовательской методологии, объединением волонтерства с другими формами благотворительности или обобщением различных ви-

дов «помогающего поведения». Согласно результатам международного исследования Gallup (данные World View World Poll, выборка по России – 2000 человек. Ошибка не более 4.7 %), в 2010 году число граждан, работавших в России волонтерами в организациях, составляло **26%** от числа всех опрошенных, в то время как оказывали помощь незнакомым людям **36%** респондентов [1]. По данным ВЦИОМ 2011 года «добровольно и бесплатно на пользу обществу в течение последних трех лет хотя бы однажды трудился каждый второй россиянин (**53%**) [7]. Согласно результатам опроса, проведенного в 2012 году Левада-центром, численность россиян, которые лично за последние пять лет оказывали кому-либо какую-то благотворительную помощь, значительно меньше, таковых 24 % от числа всех опрошенных. Различными видами волонтерской деятельности хоть раз за этот период занимался лишь каждый десятый (**10%**) гражданин России [8]. По данным ФОМ, «за последние два–три года только **25%** россиян добровольно работали на благо других людей [6, с. 12]. А.В. Трохина в 2011 году определила, что доля волонтеров среди населения трех крупных субъектов РФ составила лишь 3,9% (опрос проводился Федеральной службой статистики в Краснодарском крае, Челябинской области, Татарстане) [10, с. 22]. Следует отметить, что данные территории лидируют по численности социально-ориентированных НКО [10].

Несмотря на то, что представленные выше результаты всероссийских исследований несколько завышены, численность волонтерской общности в России все равно довольно значительна. В связи с этим отметим ряд следующих моментов. Во-первых, исследование распространенности и представленности в России детского и юношеского волонтерства практически никто не занимается. Во-вторых, оценка всей общности волонтеров в России не реализована, так как, по нашему мнению, исследуемая общность достаточно обширна и включает в себя людей разных социально-демографических групп, работающих и работавших на благо других членов общества с различной степенью интенсивности. В-третьих, существуют определенные сложности в реализации исследования из-за того, что многие виды деятельности не идентифицируются россияна-

ми с волонтерством, хотя по своей сути включены в него. Также многие из российских волонтеров не желают делать эту деятельность публичной.

В качестве одиннадцатой проблемы обозначим **сегментированность волонтерской общности в России и отсутствие единых оснований, которые позволяли бы в обществе идентифицировать саму общность, а внутри нее открывали бы возможность ее членам идентифицировать друг друга.** По нашему мнению, в России нет единой идеологической основы волонтерства. Это приводит к тому, что отдельно друг от друга функционируют разные типы волонтерских общностей: религиозные и светские волонтеры; занимающиеся «прогосударственным» волонтерством и работающие в третьем секторе; стихийно сложившиеся и централизованно организованные государственными органами исполнительной власти группы добровольцев. Во многом такое положение дел является следствием того, что государство пытается эксплуатировать ресурс волонтерства и оказывается «в разных взаимоотношениях» с различными группами волонтеров. Церковное добровольчество находится вне деятельности государства, практически не получает поддержки в содержании хосписов, благотворительных столовых и т.д. Стихийно самоорганизующиеся группы и добровольческие движения выполняют работу за «не справляющееся с проблемами населения» государство – ищут средства на лечение людей, борются с пожарами и наводнениями, решают проблемы с мигрантами и т.д. Волонтеры, работающие в прогосударственных НКО, выполняют задачи в интересах государства.

Следующая, двенадцатая проблема, определенная нами благодаря применению в исследовании общностного подхода, связана с **нереализованностью желания россиян оказывать помощь другим, работать волонтерами.** Потенциальных членов общности волонтеров в России оказывается существенно больше, чем реальных. Практически все исследования демонстрируют, что среди российских граждан значительно число тех, кто никогда не работал волонтером, но при определенных условиях хотел бы это делать. Данные опросов показывают, что, несмотря на все усилия государства в этом направлении, моло-

дежь, наряду с пенсионерами, оказывается наименее вовлеченной в добровольческую деятельность [7]. Из этого вытекает еще одна существенная проблема – **проблема ограниченной включенности российской молодежи в добровольчество**. В современных условиях в поле волонтерской деятельности, как правило, оказывается организованная молодежь, во многом благодаря инициативам учебных заведений и принудительному характеру рекрутирования учащихся в волонтерские организации. А.В. Стагнеева отмечает, что в России отсутствует система целенаправленной и последовательной подготовки молодежи к работе в качестве волонтеров. Это в итоге и приводит к значительным разрывам между числом молодых людей, заявляющих о потенциальной готовности участвовать в добровольческой деятельности, и числом тех, кто реально ведет такую работу[9].

Тринадцатой проблемой, выявленной в исследовании российского волонтерства благодаря общностному подходу, является **протестный потенциал добровольческого движения в России, которое может продвигать свои ценности и идеалы, объективно идущие вразрез с декларируемым направлением социальной и экономической политики**. Так как политическая и волонтерская активность характерна для одной и той же социальной группы населения (и в конструктивную и протестную деятельность включены представители одних и тех же групп: сравнительно обеспеченные и образованные представители городского среднего класса [6, с. 19]), у власти это вызывает определенные опасения и желание вести учет или тотальную регистрацию членов волонтерской общности не с целью их поддержки, как в практике развитых стран, а с целью бюрократизации процесса управления стихийной организацией населения.

Выделенные в данной статье проблемы и противоречия не являются исчерпывающими. Однако благодаря социологическому анализу с применением в исследовании общеметодологических подходов можно увидеть специфику именно российского волонтерства, представить всю его сложность как социального явления.

Литература

1. Civic Engagement Highest in Developed Countries [Электронный ресурс] 18.11.2011. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/145589/civic-engagement-highest-developed-countries.aspx#2>.
2. Salamon L. Partners in public service: the scope and theory of government non-profit relations [Text]/ L.Salamon // The Nonprofit Sector: a research handbook, – New Haven: Yale University Press. – 1987. – P. 99-117.
3. Данные опроса «ФОМнибус» [Электронный ресурс] 18–19 мая 2013 г. – Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10927>.
4. Иванова И.И., Петренко Е.С. Авангардные группы – основа российского добровольчества [Электронный ресурс] / И.И. Иванова, Е.С. Петренко / – М.: ФОМ.– 2012. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2012/10/02/1243660150/avantgarde6.pdf>
5. Кожевникова К. «Верит – не верит»: особенности российской религиозности [Электронный ресурс] / К. Кожевникова.– М.: ФОМ.– 2013. Режим доступа: <http://fom.ru/blogs/10955#>.
6. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». – М.: ФОМ.– 2012. – 279 с.
7. Пресс-выпуск № 1785. Добровольчество в России: потенциал участия молодежи [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713>.
8. Пресс-выпуск Левада-центра « Каждый четвертый россиянин оказывал благотворительную помощь...» [Электронный ресурс]. – М. – 2012. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/05-12-2012/kazhdyi-chetvertyi-rossiyanin-okazyval-blagotvoritelnuyu-pomoshch-khotya-raz-za-poslednie>
9. Стагнеева А.В. Развитие молодежного волонтерства: социально-технологический подход [Электронный ресурс] /А.В. Стагнеева //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.– 2013. – № 2. – Режим доступа: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid371/pg0.
10. «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития: доклад о развитии институтов гражданского общества в России. [Электронный ресурс] –2013. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/20>
11. Трохина А. В. Занятость волонтеров в России: формирование и регулирование [Текст]: автореф. дис...канд. эконом. наук: 08.00.05. – Москва. – 2012. – 24 с.
12. Шевченко П.В. Социальная роль московского волонтерства [Текст] / П.В. Шевченко // Социс. –2013. –№8 (340).– С. 60-71.

Сведения об авторе

Ф.И.О.	Певная Мария Владимировна
Место работы (вуз, факультет, кафедра)	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина». Институт государственного управления и предпринимательства
Должность, ученая степень, ученое звание	Доцент кафедры социологии и СТУ, к.с.н., доцент
Телефон/факс	8 9827189210, (343) 3759572
Адрес	620026. ул. Мира 42-17, г. Екатеринбург
E-mail	Nauka.fgo@gmail.com
Surname	Pevnaya
Name	Maria
	Yeltsin Ural Federal University, Institute of fundamental education. Chair of Sociology and Social technologies of management
	Associate Professor of Sociology, PhD in Sociology

Phone / fax	8 9827189210, (343) 3759572
Address	620026. Mira St., house 42, flat 17, Yekaterinburg
E-mail	Nauka.fgo@gmail.com